

Мыреева Анастасия Никитична

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА Н. А. ЛУГИНОВА

В статье как особенный этап в творческой эволюции народного писателя Якутии Н. А. Лугинова рассмотрена его философская проза. Отмечено углубление глобального общечеловеческого звучания в его философских повестях "Каменный мыс", "Баллада о черном вороне", "Сэргэ", "Кустук". Выявлено, что расширение проблематики позволило автору укрупнить пространственно-временные координаты, осмыслить "вечные" проблемы жизни и смерти, смысла человеческой жизни. Качественное обновление эпических традиций показано в историко-философском романе "По велению Чингисхана".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.512.157 – 3 Лугинов. 06

Филологические науки

В статье как особенный этап в творческой эволюции народного писателя Якутии Н. А. Лугинова рассмотрена его философская проза. Отмечено углубление глобального общечеловеческого звучания в его философских повестях «Каменный мыс», «Баллада о черном вороне», «Сэргэ», «Кустук». Выявлено, что расширение проблематики позволило автору укрупнить пространственно-временные координаты, осмыслить «вечные» проблемы жизни и смерти, смысла человеческой жизни. Качественное обновление эпических традиций показано в историко-философском романе «По велению Чингисхана».

Ключевые слова и фразы: философская проза; повесть; роман; концептосфера; типологическое значение; лейтмотив; жанр.

Мыреева Анастасия Никитична, д. филол. н., доцент
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН
anastmyreeva@yandex.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА Н. А. ЛУГИНОВА[©]

В литературе второй половины XX века заметно усиление философичности, стремление авторов соотносить проблемы времени с «вечными», общечеловеческими. Современный исследователь так определяет своеобразие жанра философской прозы: «Философская проза рождается как единственно возможная форма открытия и воплощения глубин общечеловеческого универсального содержания», и далее: «именно этот универсально-общечеловеческий план становится ценностным центром философской прозы и определяет ее жанрово-стилевую структуру» [3, с. 24].

Переломный характер мирового общественного развития во многом объясняет то обстоятельство, что все более на первый план выходят общечеловеческие проблемы, забота о судьбе всего сущего на земле, осознание особой значимости «вечных» законов нравственности, ценности человеческой личности. Прогрессивные писатели отстаивают идею перехода от «корпоративного сознания» к глобальному пониманию единства жизни на планете Земля в эпоху, чреватую экологическими и социальными бедствиями. Особенным этапом в развитии жанра философской прозы в якутской литературе являются 80-е годы прошлого века.

Знаменательно углубление социально-психологического, философского анализа в повестях Софр. П. Данилова, В. С. Далана, Р. А. Кулаковского, П. Д. Аввакумова, Н. А. Лугинова и др.

Важно подчеркнуть, что романное мышление – прерогатива не только жанра романа, но это такое художественное качество, которое оказывает обновляющее воздействие и на другие жанры прозы, в первую очередь, на повесть. По обрисовке героев, глубине проникновения в их психологию, по тяготению к философским и историческим обобщениям социально-психологическая повесть все более насыщалась романным содержанием. Тенденция к «романизации» повести как конструктивному развитию жанра стало типологически общей чертой многих литератур.

Важную роль в развитии жанра якутской повести и содержательном, и в жанрово-стилевом отношении, сыграли произведения Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыйа. Психологическая углубленность, философская насыщенность определили эпическое звучание повести «Беда» [9]. Углубление нравственно-философского начала обусловило новизну освещения традиционной темы «человек и природа».

Философское осмысление экологической проблемы на новом этапе развития жанра отличают повести «Жизнь отца» Р. А. Кулаковского [5], «Пашня» С. П. Данилова [2].

Показательны творческие поиски Н. Лугинова в жанре повести. Если первые повести писателя отличал проникновенный лиризм («Песня белых журавлей» [6]), то, не теряя этого качества, поздние произведения наполняются глобальным, общечеловеческим звучанием («Каменный мыс», «Баллада о черном вороне», «Сэргэ», «Кустук» [Там же]).

Расширение проблематики позволяет автору укрупнить пространственно-временные координаты, осмыслить «вечные» проблемы жизни и смерти, неписанные законы во взаимоотношениях человека с природой. Произведения Н. Лугинова очень емки, концептуальны по своему содержанию, свидетельствуют о поисках новых эстетических возможностей в освещении «вечных» проблем.

Следующее произведение – повесть в новеллах «Таас Тумус» («Каменный мыс»). Повествование отличает ретроспективный характер, прошлое оживает в воспоминаниях героев, чаще в их внутреннем монологе. Главы-гнезда, в каждой из которых свой герой, объединяет в одно целое авторская позиция. Через все главы проходит основная мысль о предназначении человека, о счастье. Геокультурную картину северного края характеризуют природные топосы: великая река, горы, тундра.

Сюжетоорганизующую функцию несет локус Великой реки. С нею связаны судьбы героев. На берегу реки нашел и потерял свое счастье Тойбол, его держит здесь последняя искорка надежды – ожидание потевшей в малолетстве дочери.

Также на Лене нашел свое счастье Одон Догдоев, первым из юкагиров ставший капитаном. Во многом его характер воспитан суровой северной природой: «Тундру, ее безбрежную снежную ширь, ее суровое дыхание Одон видел и знал еще до того, как ощутил себя человеком. И это суровое знание сохранилось в его душе, и он пронес его через всю жизнь» [Там же, с. 157].

Одон много размышляет о смысле прожитой жизни и приходит к выводу, что он был по-своему счастлив: «И правда, разве это не настоящее счастье – водить большие суда по такой великой реке, как Лена? А по Ледовитому океану?» [Там же, с. 163]. Для него счастье – это «открыто и смело смотреть людям в глаза, жить, не зная страха и настороженности, чувствовать себя сильным и не сгибаться ни перед людьми, ни перед темными силами природы. Верить в себя – тоже счастье» [Там же].

Характеры героев повести не однолинейны. Так, brave лодчман Михей, тоже жизнелюбив, предан Лене-матушке. Но в нем, в отличие от простой и цельной натуры Тойбола, нет стержня, он ни к кому так и не «пристал» душой, остался одиноким.

Важна хронологическая роль образа реки, символизирующего вечное движение жизни, объединяющего «начала» и «концы». Образ реки – живое существо, которое соперничает, волнуется, меняет свой цвет.

Емкими художественными средствами автор смог поведать судьбы ряда необычных героев, социально-психологическая основа повествования насыщена философией смысла человеческой жизни.

Повесть «Сэргэ» насыщена метафорическими ассоциациями. Концептуальный образ сэргэ (коновязь), священного для якута, одушевляет все произведение, символизируя мысль о том, что человек неразрывно связан с родной землей, с родной природой. Одушевление сэргэ определено народными религиозными, мифопоэтическими традициями, ибо природа тоже имеет душу, в ней запечатлена память поколений. Ничто в мире не исчезает без следа, оставаясь в памяти народа и в «памяти» природы. По мнению исследователей, сэргэ является прообразом мирового дерева [1, с. 19].

Концептосфера национального мира в повести основана на узловых понятиях-концептах: алаас, сэргэ, олонхо. В центре срединного мира – алааса (елань) — стоит сэргэ как знак вечной памяти, «без которой человек как же немислим, как невозможен без человека весь этот огромный поднебесный мир» [8, с. 138].

Основная философская категория, художественно осмысленная в произведении – память: «что есть память человеческая?». Как и в других философских повестях автора, в центре – раздумья о смысле человеческой жизни.

Повесть отличает дискретность временной организации, время прерывно: то возвращает в прошлое, то дышит современностью. В «воспоминаниях» сэргэ оживает прошлая жизнь в алаасе, счастье молодых тогда Дарьи и Сидора. Они находят счастье в семье, в детях, «в тайне бескорыстного добра и света в человеке», в силе памяти, «которая ставит селенья, растит детей, в бесконечном изливается олонхо и выстраивает будущее...» [Там же].

Но счастье семьи разрушил всепожирающий дух войны, оставивший землю без хозяина.

Вопрос: «Чем измеряется счастье или несчастье прожитой человеком жизни?», определяет и рассказ о судьбе Ильи Песенника, олонхосута и народного мастера. Воспевая далекие сказочные края, Илья всегда стремится куда-то вдаль, в другой мир, не находя утешения. Его устремленность к прекрасному сохранилась в узорах поставленного им необычного сэргэ.

Герои все в окружающем мире воспринимают в единстве: «Даже великая радость рождается в малом». Повесть пронизана глубоко лирическим чувством любви к своей малой родине – алаасу и проникновенным гуманистическим пафосом, преклонением перед силой человеческой, народной памятью.

В следующей повести писателя «Баллада о черном вороне» проблема «человек и природа» получает глобальное, общечеловеческое звучание. Произведение построено на аллегориях, основанных на параллелизме жизни природы и человека.

Основной тон повествования – эпически спокойный, величавый как само круговращение времени: «Да, в который раз уже обновилась, ожила тайга, как всякое начало, казалась вечной в неутомимом своем празднике, в радостном труде возобновления» [6, с. 36]. Эпичны, архетипичны по своей сути явления природы, не имеющие собственного имени, а просто названные с большой буквы: Закон жизни, Небесное Светило, Аар-Тайга, Великая Река, Земля-родительница, Черный Ворон, Иччи (хозяин).

Сюжет повести, основанный на предании о долговечности и мудрости ворона, позволяет философски насытить хронотоп повествования, укрупнить пространственно-временные координаты в осмыслении «вечных» проблем жизни и смерти, неписанных законов во взаимоотношениях человека с природой, со всем окружающим миром.

С высоты прожитых веков старый ворон наблюдает жизнь тайги, ее четвероногих обитателей и человека – Хозяина, охотника. В философском произведении уместно обилие мифологических персонажей: тут и боги – Айбы, и священная богиня, жизнетворящая Иэйэхсит, и щедрый хозяин охоты Баай Байанай, позволяющие раскрыть национально определенное мирозерцание, религиозные верования северного народа.

Философски насыщены узловые понятия – концепты: Закон жизни, Иччи (хозяин). Подтекст понятия Закона жизни – это установившаяся веками гармония во взаимоотношениях человека с миром природы, которой верен человек – Иччи, настоящий хозяин.

Ворон, «осмысливая» происходящее в окружающем мире, убеждается, что человек не теряет веры в лучшее до конца, в нем неистребима сила жизни, «настоящий Иччи знает всему цену, сокровенный смысл

всего». Мысль о том, что человек одухотворяет природу, сливаясь с ней воедино, передана посредством сравнения: «тайга без человека Иччи, все равно, что око без зеницы, что взгляд без смысла» [Там же, с. 35].

Мудрый ворон, сравнивая прошлое и настоящее, видит, что не все благополучно в Среднем мире, и во многом это идет от самого человека. От деятельности таких «получужих», разучившихся слышать и видеть Закон Жизни, «год от года свирепели пожары, вырубались лучшие леса, затирались топляками, задыхались реки и редело, разбегалось зверье, в молчанье погружалась тайга» [Там же, с. 28].

Проблематика повести Н. Лугинова типологически значима. Такие же «получужие», потерявшие связь с родной природой, люди показаны в произведениях В. Распутина («Пожар», «Последний поклон»), в романе Ч. Айтматова «Плаха» и др.

Ворона тревожат сомнения, каким будет новый хозяин, «хватит ли ему доброты и мудрости жить одной жизнью с ними со всеми, не ссориться с Законом, не пренебрегать родным?» [Там же, с. 31].

Все в тайге живет ожиданием хозяина – рождения нового человека. Значим аллегорический спор-диалог двух природных явлений: Великой реки и Скалы Орулхан. Завидуя вечности, непоколебимости скалы, река слышит в ответ: «Все снега, все дожди спешат слиться с тобою, а я по-прежнему один в высоте, одиноко... Нет, горе неживому, вдвойне горе весною» [Там же, с. 37-38].

В спор вмешивается Аар-Тайга, утверждая, что все едино в мире природы и самое главное условие ее процветания в том, чтобы был настоящий хозяин: «Он поймет и тебя, высокий Орулхан, и тебя, долинная Река, соединит в горячем сердце человеческом своем, братским обнимет умом, утешит во всем и сам найдет счастье в нас, потому что мы невозможны друг без друга. Мы неразделимы...» [Там же, с. 38].

В повести значимы философские понятия: Радость, Надежда, Вера. С появлением юного Айяла, будущего охотника, все в тайге наполняется новым смыслом. Финал повести светел, оптимистичен: все в природе дышит любовью к родной земле.

По масштабности нравственно-философской проблематики балладе о черном вороне близка повесть «Кустук». Сюжет произведения основан на повествовании о «судьбе» охотничьей собаки Кустук, волею обстоятельств вырванной из родной среды и оказавшейся в упряжке ездовых собак в тундре.

Якутский автор по-своему развивает линию мировой гуманистической литературы, характеризуемой именами А. П. Чехова («Каштанка»), Джека Лондона («Белый клык»), в современной литературе – Г. Троепольского («Черный Бим Белое ухо»), Ч. Айтматова («Прощай, Гульсары!») и т.д. Этот прием очеловечивания животного мира позволяет писателю ставить большие нравственно-психологические, философские проблемы своего времени.

Повесть Н. Лугинова построена, в основном, как «внутренний монолог» собаки, порой «голос» собаки и голос автора взаимно дополняют друг друга, воссоздавая сложное и драматичное движение сюжета. Главная философская проблема – проблема свободы. Кустук живет одной мечтой – о возвращении с прежним своим хозяином – Охононом в родную тайгу, вновь окунуться в стихию вольной жизни. В его «воспоминаниях» самые счастливые дни – это охота с хозяином в тайге, когда он буквально впитывал в себе все запахи, звуки родной природы.

Снова в этой повести основную философскую нагрузку несет в себе понятие Иччи – настоящего хозяина, с которым чаще всего ассоциируется образ Охонона. В восприятии собаки противопоставлены два хозяина: хозяин собачьей упряжки Байбал и Охонон.

Байбал отличается жестокостью, собаки чаще всего терпят от него побои. Он как бы заслоняет от них весь окружающий мир, превращая их существование в постоянное унижение. Иччи-Охонон дает возможность Кустуку сполна испытать всю радость бытия, радость узнавания жизни. Кустук и Охонон – два близких существа, делящих и радости, печали, вместе спасаются от бед (схватка с медведем). Их отношения отличаются полным взаимопониманием.

Настоящий хозяин, в восприятии Кустука, – это человек, который «все понимает, все знает, добрая душа», всегда готов спасти.

Отсюда, под высоким небом тундры и у человека, и у собаки схожие судьбы. Значима параллель: как и Кустук, в духовной неволе томится Майыс – жена Байбала, опутанная невидимыми цепями, вынужденная коротать свою жизнь с пьяным мужем. Прием очеловечивания животного помогает раскрыть тонкие психологические, нравственные движения души человека.

Лейтмотивы в повести – истинная Свобода, Вера – Надежда в жизни живого существа, будь то человек или животное. Вера в хозяина помогает Кустуку преодолеть невероятные трудности, вырваться из плена, до последнего вздоха он верен своему Охонону. Порой звучит прямой авторский голос. Повествуя о гибели собаки, так и не нашедшей своего хозяина, он утверждает, что, возможно, это и к лучшему, что она не догадывается о том, какие ложные страсти порой управляют человеческими поступками, о предательстве Охонона, который проиграл Кустука в карты. Сравнивая мир человеческих отношений с миром животных, поражаешься, что последние порой «поступают» более нравственно, чем человек.

Взаимоотношения человека с природой показаны в повести глазами северного человека, который убежден, что главные ценности в жизни – доброта, верность, преданность в дружбе. Порой белое безмолвие тундры как бы давит на человека, рождая чувство безнадежности, и только человек сильной воли, настоящий хозяин, может остаться самим собой, не потерять веры.

Природа в повести живет своим вечным ритмом: кто-то вновь приходит в этот мир, а кто-то уходит навсегда, и так всегда. Одна Вера – Надежда не гибнет, чтобы переселиться в другую живую душу, призвав ее в великий путь Жизни.

Так, современный якутский писатель, продолжая традиции мировой гуманистической литературы, создал произведение о вере и надежде, о цене настоящей дружбы, о смысле самой жизни. Повесть призывает к современному человеку сохранить свое предназначение, жить в гармонии с природой, с окружающим миром, быть настоящим Иччи – хозяином жизни.

Повести Н. Лугинова 80-90-х гг. XX в. знаменовали важную тенденцию в развитии жанра: нравственно-психологическое, философское углубление проблематики, поиск новых жанровых возможностей, движение к эпичности, становление жанра философской прозы. Философские повести Н. Лугинова явились своеобразной предтечей появления в современной якутской литературе жанра философского романа.

Новый характер историзма в жанре романа отчетливо проявился в якутской литературе последнего десятилетия XX века. Качественное обновление эпических традиций отличает произведения В. Яковлева-Далана, Н. Петрова, И. Гоголева, Н. Лугинова, освещающих разные периоды истории народа. Как свидетельствует опыт многих литератур, становление жанра исторического романа свидетельствует о высоком уровне развития литературы.

Выделяя как основной вид философской прозы социально-философский жанр, Л. Ф. Ершов дает ему следующую характеристику: «В социально-философском жанре испытываются главные ценности, постигаются глубинные пласты духовной жизни нации, народа, начала начал. Вот почему прошлое и нынешнее, история и современность, древние предания и актуальные запросы дня нередко сопрягаются в общую композицию целого» [4, с. 4].

Важной ступенью в осмыслении философии истории в якутской литературе стал роман-трилогия Н. Лугинова «По велению Чингисхана» (1-я книга – 1997; 2-я – 2000; 3-я – 2005 г.) [7].

Произведение Н. Лугинова отличается необычайной широтой проблематики, границы которой выходят далеко за пределы Якутии. Основа разветвленного сюжета – судьба конгломерата племен и народов, кочевавших в средние века в степях центральной Азии. Роман представляет собой эпическое повествование о жизни создателя великой татаро-монгольской империи – Золотой Орды – Чингисхана.

В произведении Н. Лугинова также важен этногенетический аспект, в нем проявилась типологически общая черта лучших исторических романов современности – опора повествования на богатый архивный материал, на предания, притчи, на Сокровенное сказание монголов (XII в.), что позволило автору углубить эпический план и философское содержание книги. Этой же цели служит и такая композиционная особенность как эпиграфы, взятые из трудов философов и историков разных времен и народов.

В трилогии выражена новая концепция исторической роли Чингисхана, главная цель которого – объединение степных племен, установление мира и согласия между ними. Его действия основаны на своеобразном моральном кодексе «Ясу Чингисхана»: «Объединить всех может жесткий закон. Сильные духом боятся позора, слабые – наказания» [Там же, с. 91]. Философское звучание романа усиливает утверждение вечных законов природы, великой силы веры.

Изображение природы на страницах романа более всего соответствует кочевому образу жизни степного народа, значимы архетипы вечного неба, степи, воды, гор.

Современен пафос утверждения философии толерантности по отношению к различным верованиям, которую претворяет в своих войсках хан. Он убежден в живительной роли веры: «Вера – великая сила... Вся святые дела берут начало от веры. Рушится вера – начинается разброд» [Там же, с. 373].

Как отмечают исследователи, религия Великой степи – тенгрианство, явилась истоком общепризнанных систем мировых религий. Главное в тенгрианстве – вера в единого бога, духовное начало. Являясь сторонником веры в единого бога, Чингисхан с уважением относится к другим верованиям: «Пусть каждый поклоняется своему богу-сыну, но все подчиняются единому порядку. Почему бы не вложить в эти законы все лучшее, что вынесли народы из тьмы веков» [Там же, с. 372].

Его названный отец Тогрул-хан глубоко уверовал в учение Иисуса Христа, в его десять великих заповедей, наставляя: «Придет день, и Иисус сам призовет сердце твое» [Там же, с. 107].

В современном историческом романе показательно углубление психологизма, о чем свидетельствует своеобразие стиливой организации повествования. Напряженные размышления главного героя о смысле жизни, о власти, о роли веры переданы различными формами внутренней речи: несобственно-прямая речь, внутренний монолог, рассказ в рассказе и т.п.

Обдумывая пути становления джасака – единого закона жизни, Чингисхан приходит к выводу о его божественном предназначении: «Значит, есть скрепы для закона. Есть и то, что Христос, Магомет, Будда, Тэнгри – отец – все они завещали своему творению добро, праведность, чистоту помыслов и дел. Значит, есть заповеданный свыше призыв к исполнению джасака, закона» [Там же, с. 373].

Идея толерантности в романе Н. Лугинова не ограничивается идеей веротерпимости, а претворяется широко, многопланово, художественно реализуясь во всем богатстве содержания произведения.

Концептуальную основу многопланового эпического здания произведения определяет философия власти: «Чем сильнее власть, тем спокойнее жизнь в государстве» [Там же, с. 145]. Главная цель Чингисхана – создание Ил-улуса, стоящего на прочном фундаменте справедливости, «копираясь на добрую волю народов, принявших единый закон сильного правления...» [Там же, с. 360].

В историческом романе закономерно внимание к роли личности в судьбе народа, к «психологии» власти. Произведение Н. Лугинова сочетает в себе черты биографического, историко-философского романа. В первых частях трилогии показано формирование личности будущего хана. Герой много размышляет о сути власти, о взаимоотношениях разных племен.

В юности ему запало в душу предание о матери пятерых сыновей Алан-Куо, оставившей им завещание: «Будьте вместе, в одной связке, как эти пять прутьев, станете непобедимы. Ваша взаимная вера, мир, дружба добавят вам сил» [Там же, с. 14]. Убеждаясь впоследствии в необходимости объединения разных племен, он не раз поражается мудрости этой притчи.

В философском произведении узловой становится мысль о подлинной и мнимой свободе. Два разных миропонимания раскрываются в споре Тэмучина и Джамухи, в предании об Илдэгисе.

Один из центральных в романе – образ побратима и своеобразного двойника Тэмучина-Джамуха. Они были друзьями в юности, но впоследствии их пути-дороги разошлись. Джамуха тщеславен, жаждет личной власти. Разность жизненных целей раскрывается в принципиальном споре о свободе.

Джамуха уверен: «Свободен тот, кто владеет правом выбора пути, кто идет, куда хочет, берет, что хочет, и никто ему не указ» [Там же, с. 359]. Иного мнения придерживается Тэмучин: «Такая свобода называется одиночеством... А одинокий человек слаб, что бы он о себе ни мнил... Сила человека в единстве с другими себе подобными» [Там же].

Именно такое понимание свободы определяет тактику Чингисхана в борьбе за установление Ил-улуса, стоящего на прочном фундаменте справедливости, где все равны перед законом. В целях объединения в единый народ разных племен, он проявляет великодушие к побежденным, понимая, что союз с ними, прежде всего, нужен его народу. Сила монголов – в их ясном законе обустройства жизни. Каждый поклоняется своему богу, но подчиняется единому закону, именно в единстве перед лицом джасака – подлинной свободы.

Автору романа близко мнение Л. Н. Гумилева [10], не принимавшего идеологию периферийного варварства степных народов. Их заслугу исследователь видел в терпимости и толерантности к соседним народам, в их отношении к ним как к равным, что позволяло сохранить культурно-исторические традиции разных племен.

Чингисхан уходит из жизни с чувством исполненного долга. Он уверен, что опираясь на добрую волю принявших единый закон сильного правления, создал империю – великий Ил, основанную на традициях, обычаях, общих для многих народов.

Так он осуществил божественную идею объединения, спасая степные племена от распрей и раздоров, «установив долгожданный мир от моря до моря».

Многоплановое повествование отличает психологизм. Наряду с образом Чингисхана, выведены индивидуальные характеры его соратников, таких как мужественный и верный Усун. По убеждению главных героев романа, историю творят люди «длинной воли», твердо осознавшие свое жизненное предназначение.

Мать Ожулун разделяет жизненные устремления сына, является его главной советчицей и опорой в трудные дни. Ожулун также живет заботами народа, ее отличает государственность мысли, подлинная толерантность. Мудро рассуждает она о свободе: «Свободная независимая жизнь – участь безродных рабов и бродяг. Участь тойона – подчинение высшему благу и стремление подчинить ему других» [7, с. 177].

Устами героини автор выражает гуманистическую идею об особой роли женщины в обществе: «Народ, неспособный использовать ум и способность своих женщин, теряет половину от половины своей мощи» [Там же, с. 568].

Этногенетическое начало в романе проявляется подспудно, ассоциативно: в самом эпическом слог повествования, основанном на богатых возможностях родного языка, в преданиях и легендах, в реминисценциях из олонхо, в многочисленных деталях, отсылающих к историческим корням народа из племени урэнхаев. Роман о далеком историческом прошлом современен пафосом утверждения толерантности, веротерпимости, гуманизма. Философия истории в трилогии Н. Лугинова приобретает широкое общечеловеческое звучание, произведение свидетельствует о качественно новом уровне развития исторического романа в якутской литературе.

Таким образом, философские произведения Н. Лугинова знаменуют целый этап в творческой эволюции писателя, выражая значимые тенденции в развитии якутской эпической прозы последней четверти XX века.

Список литературы

1. Гоголев А. И. Модель мира в традиционных представлениях якутов // Языки, культура, будущее народов Арктики. Якутск, 1993. С. 19-20.
2. Данилов С. П. Пульс жизни. Избранные повести. Якутск: Бичик, 1993. 504 с.
3. Еремеев А. Е. Русская философская проза (1820-1830-е годы). Томск: Изд-во ТГУ, 1989. 192 с.
4. Ершов Л. Ф. Современная социально-философская проза (1970-80 гг.). Л., 1989. 250 с.
5. Кулаковский Р. А. Жизнь отца. Повесть-воспоминание. Якутск: Кн. изд-во, 1990. 288 с.
6. Лугинов Н. А. Дом над речкой. Повести и рассказы. М.: Современник, 1988. 286 с.
7. Лугинов Н. А. По велению Чингисхана. М.: Сов. писатель, 2001. 608 с.
8. Лугинов Н. А. Пути земные, пути небесные. Повести, легенды, рассказ. Якутск: Бичик, 2007. 192 с.
9. Мординов Н. Е. Беда: повесть. М.: Сов. писатель, 1972. 319 с.
10. Наследие Л. Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы // Сборник статей Международного конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 573 с.

PHILOSOPHICAL PROSE BY N. A. LUGINOV

Myreeva Anastasiya Nikitichna, Doctor in Philology, Associate Professor

*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
anastmyreeva@yandex.ru*

The article considers the philosophical prose of the national writer of Yakutia N. A. Luginov as a particular stage in his creative evolution. The paper emphasizes the intensification of the global universal perception in his philosophical stories –“Stone Cape”, –“Black Raven Ballad”, –“Serge”, –“Kustuk”. The researcher identified that extension of subject matter allowed the author to enlarge the spatio-temporal coordinates, to interpret the –“eternal” problems of life and death, the meaning of a human life. Qualitative renovation of epic traditions is represented in the historical and philosophical novel –“By the Will of Genghis Khan”.

Key words and phrases: philosophical prose; story; novel; conceptual sphere; typological meaning; leitmotif; genre.

УДК 8; 81:373.21

Филологические науки

Статья посвящена сравнительному анализу наименований предприятий общественного питания г. Воронежа и г. Москвы и выявлению сходств и различий данных коммерческих номинаций по семантике, составу тематических групп, структуре. Исследование особенно актуально в связи с широкой распространенностью эргонимов и недостаточной степенью их изученности. На основе исследуемого материала можно прийти к выводу о том, что информационная функция названий служит для создания прагматического эффекта.

Ключевые слова и фразы: нейминг; эргоним; коммерческая номинация; эргорекламомим; сравнительный анализ.

Овсянникова Ксения Владимировна

*Воронежский государственный университет
ksug33@yandex.ru*

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕЙМИНГА ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ
(СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭРГОНИМОВ Г. МОСКВЫ И Г. ВОРОНЕЖА) ©**

В конце XX в. среди ученых-лингвистов сформировалось убеждение о необходимости анализа языковых единиц «в условиях конкретных коммуникативных актов» [4, с. 6]. Такой подход является одним из наиболее перспективных при исследовании рекламы и одного из особых видов рекламной деятельности – нейминга (от англ. *to name* – называть, давать имя, нарекать).

Этот термин используется для обозначения разновидности речевой деятельности, направленной на создание оригинального, запоминающегося названия для компании, предприятия, торговой марки или товара [5, с. 127].

Наименования предприятий общественного питания входят в онимное пространство города в составе эргонимов, т.е. наименований деловых объединений людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, общества, заведения, кружка [3]. Поскольку подобные наименования преследуют коммерческие цели и направлены на достижение коммерческого эффекта, они относятся к категории коммерческой номинации.

Коммерческая номинация понимается нами вслед за М. Е. Новичихиной как языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение коммерческого эффекта [2, с. 3].

Т. В. Васильева предлагает уточнить терминологию исследований эргонимии русского языка и выделяет отдельную группу наименований, выполняющих функции рекламы, – эргорекламомимы. Вслед за указанным автором в рамках данного исследования под этим термином понимается «собственное наименование коммерческого предприятия любого типа, выполняющее рекламные функции» [1, с. 43].

Статья посвящена сопоставительному изучению. Основной функцией, которую выполняют наименования предприятий общественного питания г. Воронежа и г. Москвы, является реклама называемого предприятия и привлечение потенциального потребителя, что позволяет считать наименования предприятий общественного питания эргорекламомимами.

Методом сплошной выборки наименований из газет, рекламных роликов, вывесок города, ресурсов Интернета было выявлено 1897 наименований предприятий общественного питания г. Москвы и 433 наименования предприятий общественного питания г. Воронежа, проанализирована их семантика и определены тематические группы.

Различие количественных параметров сопоставляемого материала обусловлено существенными различиями столичного и провинциального городов по количеству жителей, занимаемой площади и особенностям инфраструктуры.

На основе данных, полученных в ходе исследования, можно составить таблицу представленности тематических групп номинаций предприятий общественного питания в г. Москве и г. Воронеже. Базовыми критериями для составления таблицы являются: 1) наличие / отсутствие определенной тематической группы среди наименований предприятий общественного питания; 2) распространенность номинаций определенной тематической группы среди предприятий общественного питания по отношению к общему количеству исследуемых эргонимов данного населенного пункта, выраженная в процентном соотношении.